

ные попытки по освобождению царской семьи. «Н. Бок, занимавший во время революции должность секретаря российской миссии при Святом Престоле, рассказывал о попытках статс-секретаря кардинала Гаспарри спасти царскую семью. Святой Престол был готов принять её в Ватикане или в Кастельган-дольфо, и нунцию в Мюнхене монсеньору Пачелли было поручено через прусского посла графа фон Мирбаха передать это предложение Советам» [1: 127]. Такой шаг мог быть обусловлен политикой «двойных стандартов», которую проводил Ватикан для достижения своих целей. Если бы этот проект осуществился, то, безусловно, бы повысило бы авторитет римской церкви в глазах чувствующих монархии. Тем более, что после прихода к власти большевиков, в русской церкви начались расколы и нестроения, и в этой ситуации, не исключено, что часть православных искало бы покровительства римского понтифика. Тем более, что такие примеры были среди представителей русской эмиграции [3].

После революции октября 1917 года и начавшихся преследований на религию в России, стало понятно, что улучшения положения католиков ждать не приходится. В связи с этим вновь меняется позиция Ватикана в отношении власти большевиков. Теперь «Святой Престол полагал, что большевизм можно рассматривать как преходящее явление» [4: 19]. Однако, папа Пий XI верил, что всё-таки возможно переломить ход событий. Так, «во время Генуэзской конференции Пий XI без малейших колебаний призвал бывших победителей [в Первой мировой войне] принять коммунистическую Россию в Сообщество наций» [1: 8].

Как известно, впоследствии, свержение монархии в России и приход к власти большевиков не принесли Католической церкви желаемых результатов. Наряду с православием, гонениям в Советской России подверглись и представители других конфессий. Религиозные свободы, на которые так рассчитывали в Ватикане, очень скоро были упразднены. Лояльность представителей Ватикана к русской революции вновь сменилась критикой большевизма и коммунизма, как угрозы не только христианству, но и всему человечеству. Вместе с тем, представители Католической церкви не утратили надежды на унию с православной церковью. Теперь их усилия были направлены на тесное сотрудничество с представителями РПЦЗ, путём их активного включения в сферу экуменических процессов. Играя на свершившемся расколе Русской церкви, Ватикан не отставлял попыток привести «восточных схизматиков» к унии.

Литература

1. Венгер А. Рим и Москва: 1900–1950 / Пер. с фр. Д.В. Власова. – М.: Русский путь 2000. – 616 с.
2. Лиценбергер О.А. Римско-католическая Церковь в России: история и правовое положение. – Саратов: Поволская Академия государственной службы 2001. – 384 с.
3. Религиозные деятели русского зарубежья [Электронный ресурс] // режим доступа: http://zarubezhje.narod.ru/av/b_230.htm
4. Роод Вим. Рим и Москва. Отношения между Святым престолом и Россией/Советским Союзом в период от Октябрьской революции 1917 г. до 1 декабря 1989 г. / Пер. с нем. Ю. Авакумова. – Львов: Монастырь Монахов Студийского Устава, "Свичало", 1993. – 279 с.

ПРАВОСЛАВНОЕ ДУХОВЕНСТВО НА БЕЛГОРОДЧИНЕ В 1917-1930 ГГ.

Ирина Александровна Страхова

кандидат исторических наук, доцент ФГАОУ ВО НИУ «БелГУ»
(Россия, г. Белгород)

В 1-й пол.-сер. XIX в. главным источником обеспечения приходского клира Белгородчины, в частности, сельского, были платы за требы и традиционные пожертвования. В конце 30-40-х гг. «были определены нормы пожертвований и повинностей прихожан, которые были обязаны строить дома для причта, духовенство переводилось на жалованье.

Выплата жалованья в 1855 г. была распространена на все епархии русской церкви» [7, с. 334]. В 1878 г. пенсии духовенства на Белгородчине увеличились, «в связи с изданной реформой о повышении пенсии духовенству и их женам» [4, с. 117].

Численность представителей духовенства на Белгородской земле до революции была следующая: «с одной стороны наблюдался рост численности духовенства, однако, в конце столетия, наблюдается медленное, но неуклонное сокращение числа священнослужителей» [5, с. 109].

Стоит так же отметить, что для получения духовного образования необходимо было пройти полный учебный курс: 4 года в белгородском или старооскольском духовном училище, 6 лет в духовной семинарии, и на последнем этапе – духовную академию, где обучение продолжалась 4 года. В общей сложности это составляло 14 лет. Требования к лицам, претендующим на священнический сан, стали выше, так как наблюдался рост образованности в обществе и культурного его уровня. Поэтому число обучающихся в духовных учебных заведениях росло, что влекло за собой сокращение числа учащихся в средних духовных учебных заведениях.

В православном обществе развернулась дискуссия о характере взаимоотношений Церкви и государства, церковном устройстве, в связи с этим 25-26 апреля 1917 г. состоялся съезд духовенства и мирян Белгородского уезда, на котором рассматривал вопрос о церковно-государственных отношениях, церковном строе и управлении [2, л. 75].

Местные власти стремились контролировать деятельность духовенства, в частности, их проповедь. Обвиненные в религиозной пропаганде, в белгородской тюрьме в качестве заложников находились: «смотритель Белгородского Духовного училища протоиерей Петр Сионский, протоиерей кладбищенской Николаевской церкви Василий Солодовников, иеромонахи С. Критов, Л. Вик и Д. Гусаков» [9, с. 200]. В качестве заложников увезли из Старого Оскола отступающие красноармейцы священника В. Иванова.

Согласно Декрету СНК от 20 января (2 февраля) 1918 года «О свободе совести, церковных и религиозных обществах» [6, с. 29] происходило отделение Церкви от государства, национализация церковного имущества, Русская Православная Церковь была поставлена в строгие рамки разных запретов и ограничений, такая же ситуация наблюдалась и на местном уровне.

Советская власть создавала строгие рамки для существования православных приходов и ограничивала права духовенства и их влияние на население. «Для регистрации общины в Отдел Управления НКВД необходимо было предоставить такие документы, как: заявление о регистрации, устав, договор, опись имущества, переданного по договору, списки служителей культа, список исполнительного органа и список членов религиозного общества. Устав должен быть составлен общиной с указанием лишения ее прав юридического лица и отдельно должен быть утвержден Отделом Управления НКВД» [8, с. 19].

«Первое время после принятия закона работа по отделению церкви от государства на местах, практически, не велась, поэтому даже к концу 1920 г. в Белгородском, Корочанском, Новооскольском уездах не было проведено полного отделения церкви от государства. Все антицерковные действия в этот период носили в основном спонтанный характер. Новый закон Советской власти был воспринят основной массой населения страны резко отрицательно. Люди, и в первую очередь крестьянство, выступили против ломки до этого существовавших устоев традиционного уклада жизни, основанных на православной вере» [8, с. 21].

«В январе 1918 года декретом СНК были ликвидированы духовники в армии, отменены все государственные дотации и субсидии церкви и духовенству. В связи с тяжелым положением духовенства на белгородской земле в условиях антицерковных действий властей, оно было вынуждено любыми способами сохранить единство церкви и поддерживать в умах верующего населения положительное отношение к церкви» [14, с. 21].

Архивные документы показывают, что в Белгородском уезде воплощение декрета об отделении Церкви от государства не осуществлялось по плану: «Особенно это будет

касаться Белгородского уезда, о котором Губотделуправления ничего не знает. Почти все уезды ограничались бумажной перепиской, а революционности никто не проявил; если даже все материалы по этому вопросу уничтожены белыми бандитами, то все же прошло достаточно времени для ликвидации этого вопроса» [1, л. 412]

Согласно документу об изъятия церковных ценностей от 23 февраля 1922 г., Губернские Комиссии, должны были получить у местных Советов заверенные копии описей и договоров от верующих, в пользование которым переданы храмы [8, с. 23]. «На основании этих описей устанавливалась очередность проведения изъятия, причем основная ставка делалась на наиболее богатые храмы, монастыри, ценности которых подлежали вывозу в первую очередь, не дожидаясь поступления всех описей по губернии. В уездах к работе Комиссий привлекались местные Исполкомы в лице представителей финотделов и помголов» [3, с. 5].

При составлении описи предметов, которые изымались, должны были присутствовать члены комиссии и представители верующих, факт их присутствия отмечался в церковных описях и заносился в особый протокол, подписываемый ими. «Все изъятые имущество пересылалось в Уездные или Губернские Финотделы для направления их в Гохран. Никакой реализации ценностей на местах производить не допускалось. Местные комиссии обязаны были один раз в месяц представлять в ЦК Помгол сведения об изъятых предметах и ежемесячные подробные отчеты для публикации в газетах. Губкомиссии обязывались ежемесячно публиковать перечни ценностей, взятых из местных храмов и монастырей» [3, с. 5].

«В сложной и противоречивой обстановке, сложившейся в результате революционных потрясений на Белгородчине, внутри духовенства стали возникать острые разногласия, прежде всего по вопросу к новой власти» [8, с. 24].

В заключении можно так же отметить, что большевики использовали и поощряли те антиклерикальные настроения, которые уже существовали до их прихода к власти. «В этих условиях перед Православной Церковью появилась проблема восстановления престола веры и перенесения точки опоры с органов самодержавного государства на верующих» [10, с. 12].

Литература

1. ГАБО. Р-400. Оп. 1. Д. 16
2. ГАКО. Ф. 20. Оп. 2. Д. 571.
3. Васильева О.Ю. Русская православная церковь и советская власть в 1917 - 1927 гг. // Вопросы истории, 1993. № 8
4. Кулабухов В.С. Духовенство // Эволюция сословной структуры общества Центрального Черноземья в пореформенный период (на примере Курской губернии). – Белгород, 2005.
5. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII - начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Т. 1. – СПб., 2000.
6. Русская Православная церковь и коммунистическое государство. 1917-1941. Документы и фотоматериалы. – М., 1996
7. Смолич И.К. История Русской церкви: 1700-1917. В 2 т. – М., 1996.
8. Страхова И.А. Взаимоотношение государственной власти и православного духовенства в 1917-1930 гг. (на территории современной Белгородской области) . автореф. канд. ист. н. – Курск. 2010.
9. Протоиерей Олег Кобец, А.Н. Крупенков, Н.Ф. Крупенков. История Белгородской епархии. Белгород: Белгородская и Старооскольская епархия, 2006.
10. Соколов А.В. Государство и Православная Церковь в России. февраль 1917-январь 1918 гг. дисс. докт. ист. наук. – СПб, 2014.